

ОЛЕГ ТОРГУНАКОВ

САУНА для
ДЕМИУРГА

Олег Торгунаков

Сауна для Демиурга

«Автор»

2026

Торгунаков О.

Сауна для Демиурга / О. Торгунаков — «Автор», 2026

В глубине космоса пульсирует Аномалия — сфера чистой боли. Она не убивает, не разрушает. Она заражает тоской. Целые цивилизации сходили с ума, пытаясь её понять. Лингвист Яромир Локвуд решается на контакт. Аномалия задаёт ему один-единственный вопрос. В поисках ответа он собирает команду. Энтропия стирает всё: звёзды, память, надежду. Но они бросают ей вызов. Их путешествие продлится семь миллиардов лет — и одно мгновение. «Сауна для Демиурга» — не рецепт счастья. Это инструкция к выживанию. В книге поднимаются темы боли, утраты и экзистенциального кризиса. Автор не романтизирует страдания, а рассматривает их как часть пути к осознанности и ответственности. Основной посыл произведения — воля к жизни, творчеству и преодолению трудностей.

© Торгунаков О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Часть первая: АномалияГлава 1: Тихий крик	6
Глава 2: Станция «Шёпот»	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сауна для Демиурга

Глава

Смысла нет. Завтра будет мороз. Но сегодня – вот он «Пино Нуар», который не должен здесь расти, в Сибири. И в этом – моя маленькая победа над хаосом, энтропией. Моя красивая, пусть и временная песочная крепость. Мой ответ на молчание Вселенной.

От автора.

Часть первая: АномалияГлава 1: Тихий крик

Холод начинался не за обшивкой корабля, а внутри шлюзового отсека. Жуткий холод неизвестности и страха.

Яромир Локвуд отцепил шлем скафандра, и стерильный, пахнувший перегоревшей изоляцией воздух станции «Циклоп-Альфа» ударил в лицо ледяным, безжизненным отсутствием. Здесь как будто умерло время.

Контракт от корпорации «Гефест» гласил: «Оценка остаточной стоимости научного оборудования, лот 7-К». Сухая, бюрократическая формулировка, за которой прятался простой смысл — вырвать из мёртвых рук всё, что ещё представляет ценность и можно продать. Его же интересовало не железо, а данные. Слова, модели, схемы, закономерности. Сбои в логике реальности, которые остаются, когда уходят люди.

Он шёл по центральной галерее, луч фонаря выхватывал из мрака призрачные очертания. На столе в кают-компании застыли три чашки с тёмным налётом на дне. На полу валялась детская игрушка — плюшевый робот-медвежонок с выгоревшими от времени глазами.

И стены. Граффити... Один и тот же символ: всевидящее око, пронзённое по центру острой, стреловидной линией. Иногда глаз был просто перечёркнут двумя жирными штрихами. Яромир достал портативный сканер и сделал несколько снимков.

— Пожиратели Хаоса, — прошептал он. — Маргинальный культ, помешанный на идее, что мирозданием правит враждебный Наблюдатель. Мифология параноиков.

Его шаги гулко отдавались в тишине. Он нашёл командный центр. Терминалы были мертвы, но один из лог-журналов, защищённый автономным питанием, всё ещё мигал тусклым красным светом «Воспроизведение ожидает». Яромир нажал кнопку.

Из динамика послышался хриплый голос. В нём не было страха. Была усталая, смирившаяся одержимость:

«День четыреста первый. Взгляд становится навязчивее. Он видит не только действия. Он видит сны. Прошлой ночью Рикер кричал во сне о пауках, а сегодня утром в дренажной системе нашли клубки углеродной паутины, которой здесь неоткуда взяться. Это не совпадение. Это ответ. Он показывает, что может не только видеть, но и лепить нашу реальность из наших же кошмаров. Мы должны ослепить его. Не закрыться — ослепить. Иначе он высосет из нас всё, включая саму волю сопротивляться.»

Пауза...

«Аномалия не реагирует на плазменные резаки, на кинетические бомбардировки, на когерентное излучение. Капитан считает, что нужно больше мощности. Я считаю, что она реагирует только на одно — на страх. Чем сильнее мы боимся, тем чётче она проявляется. Может, мы ошиблись с самого начала? Может, Взгляд — не бездушный наблюдатель? Может, он... хищник? И наша ненависть — это просто признание его высшей силы?»

Запись оборвалась.

Яромир посмотрел на старую схему станции, загруженную в его личный терминал, и сравнил с прикреплённой на стене. Там, где был главный реакторный зал, написано: лаборатория «Прямого контакта».

— Это уже интересно.

Дверь в лабораторию была заблокирована. Края оплавлены, словно её пытались заварить намертво. Сверху чьей-то дрожащей рукой была нацарапана фраза: «НЕ ВХОДИТЬ. ОН НЕ СПИТ»

Яромир взял ручной резак, обнаруженный неподалёку. И металл, плавясь, стал стекать каплями на пол.

Когда дверь рухнула внутрь, он замер.

В центре огромного зала, в сфере абсолютной тишины и искажённого света, парила она, оно, они... Аномалия.

Она была... неправильностью. Пространство внутри сферы диаметром метров пять подчинялось иным законам. Пылинки, попавшие в её поле, не падали, не летали хаотично. Они зависали, начинали вращаться по сложным, почти невозможным траекториям, выстраиваясь в изящные, мимолётные мандалы, а затем рассыпались и начинали заново исполнять свой немой и загадочный танец. Свет от его фонаря не отражался, он закручивался внутрь, создавая иллюзию бесконечной глубины. И от всего этого веяло... веяло чувством.

Чистой, первозданной, вселенской тоской.

Яромир отключил фонарь. Аномалия светилась сама — мягким, фосфоресцирующим светом. Он подошёл ближе, преодолевая инстинктивный страх. Его оружием было понимание. Он был лингвистом, а не солдатом.

Яромир установил портативный сканер на полу и направил сенсоры на сферу, настроив их на приём любых структур, несущих смысл. Затем он подключил к сканеру свой нейроинтерфейс. И начал транслировать.

Не слова. Слова были привязаны к культуре. Он транслировал универсальный язык логики, чистый скелет разума, лишённый плоти эмоций: 1.2.4.8.7.5...3.6.9...

Аномалия замерла. Вращающаяся пыль остановилась. Свет погас, сжавшись до крошечной точки в самом центре.

А потом она ответила.

В его сознание, минуя уши, глаза, кожу, ворвалось нечто огромное и тяжёлое, как чёрная и холодная вода глубин — тоска. Она не имела источника, она была везде и нигде, бездонная и завершённая в самой себе. Он задышался, захлёбываясь этим чувством, и как крик, рождённый из немоты, вспыхнул ВОПРОС.

Прямое знание, вложенное в мозг: «ПОЧЕМУ БОЛЬ НЕ ИМЕЕТ СМЫСЛА?»

И в тот же миг, на долю секунды, он УВИДЕЛ. Структуру. Реальность распалась перед ним на логические связи, на причинно-следственные петли гигантской, непостижимо сложной и при этом чудовищно хрупкой машины. Он увидел её шестерни, её пульсирующие провода смысла и где-то в её сердце — трещину, из которой сочились эта самая тоска. И он понял, со страшной, неопровержимой ясностью, что является частью этой машины. Крошечным винтиком в её грандиозном, угасающем механизме.

И в тот же миг его пронзило иное.

Дежавю.

Слепящее, всеобъемлющее, абсолютное. Он уже стоял здесь. Уже слышал этот немой рёв в своей голове. Уже чувствовал, как леденящая пустота прорастает в его костях. Весь ужас, всё одиночество, вся невыносимая тяжесть происходящего — были до боли знакомы. Как давно забытая, но узнаваемая с первого аккорда мелодия.

Он узнал. Словно это эхо его собственных детских мыслей. Словно этот вопрос ждал его здесь всегда. И в самой глубине памяти, куда не добирался даже страх, остался след: ничего из этого не происходит впервые.

Видение схлопнулось. Его отбросило назад, как от удара током. И мир на пару секунд уплыл в кашеобразное ничто. Слёзы текли по лицу сами собой — физиологическая реакция на перегрузку, которую не мог остановить даже его тренированный разум.

Когда зрение вернулось, он увидел, что аномалия меняется. Сфера сжималась, свет её становился резким, болезненным. Из динамиков по всему залу вырвался визг — высокочастотный, рвущий нервы сигнал тревоги. По стенам поползли красные огни. Датчики системы жизнеобеспечения завывали сиреной. И в воздухе вдруг запахло чем-то сладковато-едким.

— Нейротоксин, — первая и верная спасительная мысль ударила резкой болью в пошатнувшийся разум Яромира.

Он в панике вскочил на ноги. Голова раскалывалась, в ушах звенело от вопроса, который продолжал отдаваться в его черепе, как удар колокола. Он побежал обратно к шлюзу, спотыкаясь о брошенное оборудование. Где-то впереди, в галерее, щёлкнули и зажужжали сервоприводы — поднимались турели.

Он ворвался в шлюзовой отсек. Зелёный свет «Готов к отстыковке» не горел. Панель управления не работала. А из потолка, с шипящим звуком, выползала очередная автоматическая турель, нацеливаясь на него.

Яромир замер, понимая, что ему не успеть.

Вдруг раздался резкий, сухой хлопок. От турели во все стороны брызнули искры, и она бессильно повисла на своих креплениях.

Слева, из ниши аварийного снаряжения, вышел человек. Высокий, в потрёпанном, но функциональном плаще поверх лёгкой брони. В руках — компактная, с нестандартными модификациями, винтовка с дымящимся стволом. Его лицо было скрыто в тени капюшона, но Яромир почувствовал на себе взгляд — жёсткий, оценивающий, без капли паники.

Незнакомец одним движением сорвал панель с пульта управления шлюзом, сунул внутрь руку, замкнул провода. Шлюз с глухим стуком открыл путь к стыковочному адаптеру и спасительному шаттлу.

Человек обернулся. Голос был низким, ровным, лишённым интонаций.

— Довольно редкая реакция — не стрелять, а слушать. Корпорация использовала тебя втёмную. Они хотели проверить активность Аномалии. Контакт состоялся. Система безопасности была запрограммирована. Ты не должен был выжить... Пойдёшь со мной — будешь разбираться. Останешься — станешь призраком в этой консервной банке. Решай. Быстро.

Яромир не раздумывал. Он кивнул и рванул к люку шаттла. Незнакомец шёл за ним, отступая спиной вперёд. Его винтовка металась между двумя точками возможного появления угрозы. Они втиснулись в шлюзовой отсек корабля. Яромир, давясь ледяным страхом, потянулся к панели аварийного запуска дрожащими руками.

— Не трогай, — голос незнакомца был ровным и плоским, как стальная пластина. — Твой «Гефест-Стрела» получил критические повреждения. Система «свой-чужой» «Циклопа» выжгла ему движок.

Он отвёл руку Яромира. Его пальцы бежали по панели, вводя команды с пугающей уверенностью.

— Теперь ты летишь на моём корабле. Курс — станция «Шёпот».

— Откуда ты? И почему они не тронули твой корабль? — начал Яромир.

— Я знаю, куда лететь! — перебил его незнакомец, не отрывая внимания от экранов. — Не спрашивай. В твоей голове — горячие данные. У меня — холодный адрес. Этого пока хватит. Пристегнись.

В иллюминаторе шаттла Яромир видел, как знакомые очертания ангара искажаются. Аномалия в сердце «Циклопа-Альфа» начала схлопываться. Это было стремительное, хищное поедание реальности. Металл корпуса замигал, как плохая голограмма, и начал стягиваться к эпицентру, скручиваясь в невозможные с математической точки зрения узлы. Станция умирала в мрачной геометрии коллапса.

— Она что, спасает нас? — Яромир не верил своим глазам. — Она... она разумна, это точно!

— Не смотри, — бросил незнакомец, его пальцы мелькали по панели управления кораблём. — Это теперь история.

Шаттл на маневровых двигателях рванул прочь от станции в последний возможный миг. Пространство плыло, как раскалённый воск. «Циклоп» превращался в идеальный, чёрный, не отражающий ничего шар, который затем исчез, оставив после себя лишь ледяную пустоту.

Раздался спокойный, привычный голос бортового ИИ:

«АСТРА. Автоматическая Система Телеметрии и Расчётного Анализа. Курс на ареостационарную орбиту Марса. Дистанция: тридцать шесть астрономических единиц. Включение маршевых аннигиляционных двигателей через три, две, одна...»

Глубокий, ровный гул родился в недрах корабля. Знакомая "земная гравитация" мягко вдавила Яромира в кресло. За иллюминатором проплывали немногочисленные обломки «Циклопа-Альфа», которые Аномалия не забрала с собой. Среди них мелькнул и искорёженный корпус его собственного повреждённого корабля.

«Профиль полёта установлен, — продолжала АСТРА. — Разгон с ускорением 9.8 м/с^2 . Через 206 часов 4 минуты переворот на 180 градусов. Расчётная скорость в точке "МАКС-V": 7268 км/с. Торможение с перегрузкой 1G. Общее время в пути: семнадцать земных суток четыре часа. Для экономии ресурсов корабля экипажу рекомендую стандартный протокол «Торпор». Капитан, подтверждаете?»

Незнакомец, не отрываясь от голограмм телеметрии на своём шлеме, коротко кивнул.

— Подтверждаю. Активирую. — Идём в капсулы, — бросил он через плечо Яромиру, уже отстёгиваясь. Его тон не допускал дискуссий. Это была такая же рутинная часть полёта, как проверка скафандров перед выходом.

— Да кто ты такой, чёрт возьми! — с недоверием крикнул Яромир.

— Ты приходишь, спасаешь меня! Я что в плену? Ты с «Циклопа-Альфы»? Откуда ты?

— Успокойся, ты не в плену, экономь ресурсы корабля, потом поговорим, — спокойно ответил незнакомец.

— Но ты, ты же видел это? Это что-то невероятное, это...

— Забирайся в капсулу, у нас ограничен кислород! — прикрикнул незнакомец.

Яромир со злостью от неполученных ответов последовал его примеру. Этот корабль был точной копией его шаттла. Он действовал на автомате: расстегнул привязные ремни, подошёл к знакомой нише в стене, забрался в узкую капсулу. Лёгкий щелчок — иньектор впрыснул стандартный «коктейль». Холодок по вене, нарастающая тяжесть в веках. Эмоции отпускали его. Так и должно быть.

Тьма сомкнулась. Корабль, ведомый холодной логикой АСТРЫ, улетал прочь от места катастрофы, увозя в своих недрах двух людей и немой вопрос, который теперь жил в сознании одного из них.

Путь в семнадцать суток начался.

Если разгон, казалось, был полётом в неизвестность, то торможение было движением к конкретной, видимой цели. Марс на мониторе постепенно переставал быть просто светящейся точкой. Он становился диском. Затем — шаром, на котором можно было различить ржавые равнины, ледяную шапку, тёмный след Долины Маринер.

За шесть часов до стыковки «АСТРА» начала протокол пробуждения экипажа.

ИИ наконец произнёс долгожданную фразу: «Выход на расчётную орбиту слияния. Начало манёвра сближения с объектом «Шёпот». Готовность к стыковке — через девяносто минут.»

Гул двигателя начал меняться. Из ровного рёва он превратился в серию более коротких, контролируемых импульсов. Искусственная тяжесть стала плавающей, то исчезая на секунду, то возвращаясь. Автоматика запустила процесс стыковки, выравнивая скорость корабля со скоростью движения станции.

— Прибыли, — сухо сказал незнакомец.

Он поднялся. Его движения — точные, как у хищника, выдавали в нём отличную боевую подготовку и выправку. Он отсоединил кабель от шлема, проверил крепление бронепластин. Он был похож на солдата перед высадкой в тыл врага.

— Стыковочный коридор, — сказал он, не глядя на Яромира, и направился к шлюзовому отсеку. Его голос был лишён любезностей — ни пожелания удачи, ни предупреждения. Констатация факта.

— Дальше — сам. Я с тобой свяжусь. Меня зовут Тир.

— Наконец-то, хоть что-то... Спасибо, что не бросил меня там, — глядя ему вслед, прокричал Яромир.

Рейс был окончен. Корабль, несущий в себе «заразу» с «Циклопа-Альфа», стоял в доке некогда величественного и амбициозного проекта человечества.

На этой станции можно было купить, продать и забыть что угодно, в том числе и себя. Идеальное место, чтобы зализывать раны и думать.

Глава 2: Станция «Шёпот»

«Шёпот» был миром-кольцом. Полноценным, диаметром в двадцать два километра. Когда-то его имя было гордым и прямым: «Кольцо Прометея».

Этот титанический обруч был заложен как ключ к Марсу. Он вращался, создавая земную гравитацию на своей внешней поверхности, и должен был стать штаб-квартирой, космопортом и сердцем величайшего инженерного проекта в истории — терраформирования Красной планеты. Его доки рассчитаны на флотилии ледниковых буксиров, его лаборатории — на генную инженерию целых экосистем, его жилые секторы — на поколения учёных.

Потом проект был признан «экономически нецелесообразным» и умер. Но Кольцо было слишком велико, чтобы его бросить. Его переименовали в «Форпост-1» — главную верфь и перевалочный хаб для броски к поясу астероидов. Здесь строились рудодобывающие армады, отсюда уходили зонды к окраинам Солнечной системы. Он был символом новой, прагматичной экспансии. Стальной обруч, сжимающий пространство для человечества.

Теперь он был «Шёпотом». И он был болен.

Яромир видел язвы на его теле. Там, где должны были сиять стыковочные порты, зияли чёрные провалы — следы боевых действий и аварий, залатанные грубыми металлическими заплатами с неровными сварными швами, похожими на шрамы. По обшивке, сверкавшей когда-то чистым композитом, тянулись грязные потёки от утечек и выбросов. На самых видных местах, на бывших рекламных экранах, горели искажённые голограммы всевидящего ока, пронзённого стрелой.

Сердце «Шёпота» — тяжёлый дух человеческой массы, пота, ржавчины и переработанной органики. И основа, фундамент всего — тонкая, неистребимая пыль Марса. Она была повсюду, её молекулы вьелись в самые глубокие слои металла за столетия. Это был запах самой мечты, превратившейся в прах.

Гравитация — ровное, земное 1G от вращения кольца — казалась неестественной после плавающей тяги корабля. Она была слишком правильной для такого места.

Станцию накрыла звуковая стена падшей утопии. Грохот и лязг кустарного производства, разноязычный рёв толпы, визг пил по металлу, грохочущая музыка из динамиков, вкрапления проповедей и угроз. Но главным был не шум. Главным был голодный рокот — низкочастотная вибрация, исходившая от всей конструкции. Это стонали стены. Они были рассчитаны на века, но не на такое обращение. «Шёпот» тихо выл от нагрузки, как зверь в капкане.

Каюта Яромира была крошечной, как гроб. Он скинул скафандр, закинул его в угол и упал на койку, уставившись в потолок, усеянный созвездиями плесени. Внутри всё ещё гудело. Тоска, которую он поймал, как вирус, сидела в его клетках.

Он заставил себя встать. Отчаяние было роскошью, которую он не мог себе позволить. Он загрузил данные портативного сканера в свой персональный терминал — монстр с пятью экранами, увешанный проводами и самодельными усилителями. Это была его крепость, его лаборатория, его единственный настоящий дом. И самое главное — это защищённая сеть, результат его многолетнего труда.

Сначала пошли первичные показатели. Температура в эпицентре аномалии: абсолютный ноль с отклонениями в милликельвины, меняющимися по непериодическому закону. Гравитационные флуктуации: от нуля до кратковременных пиков, превышающих гравитацию нейтронной звезды. Всё это было странно и непостижимо. Нереально...

Потом он добрался до данных, снятых в момент контакта. На графике энтропии была яма. Чёткая, глубокая впадина. В точке, где должен был царить хаос, на долю секунды воцарился идеальный, невозможный порядок. Это было не просто нарушение закона. Это было плевок в лицо второму началу термодинамики: «Энтропия изолированной системы не может

уменьшаться». Этот закон был открыт и сформулирован почти 400 лет назад, ещё на родной планете людей — Земле. Тепловая смерть вселенной была неизбежна... Это была самая горькая правда, которую пришлось осознать всем.

Он откинулся на спинку кресла, и по спине пробежали мурашки от благоговейного ужаса.

— Она разумна. Они всё поняли неправильно, — проговорил он вслух. — Они думали, это атака. Это была... просьба. Просьба о диалоге.

Его пальцы заскользили по клавиатуре.

Критерий 1: Специализация в области нестандартных угроз. Когнитивных, меметических, экзистенциальных.

Критерий 2: Личный опыт столкновения с провалом систем — социальных, технологических, разумных.

Критерий 3: Признаки независимого мышления и готовности идти против догмы. Чаще всего это означало: «имеет проблемы с властями».

Серверы ворчали, перемалывая запросы. Один за другим на центральный экран выскакивали профили, и один за другим Яромир их отсеивал. Карьеристы, параноики, шарлатаны. Нужны были не просто умные. Нужны были раненые целители. Те, кто сам прошёл через ад и научился в нём ориентироваться.

И тогда система выдала три результата. Три файла, помеченных грифом «Маргинал. Высокий риск. Высокий потенциал».

1. КАЙ ВОРОН

Специализация: Ксеноисторик, архивариус. Основатель проекта «Хроники Апокалипсиса» — энциклопедии способов самоуничтожения разумных видов.

Местонахождение: неизвестно.

Выдержка из психологического заключения: «Обладает уникальной способностью к эмпатии по отношению к мёртвым цивилизациям. Граница между профессиональным изучением и личным переживанием трагедии у субъекта стёрта. Риск экзистенциального заражения — высокий.»

2. АЙРИН СКАЙ

Специализация: Кибернетик, специалист по эмерджентному сознанию. Бывший научный сотрудник института «Ноосфера».

Последнее известное место: Свалка «Улей», сектор 9. Объявлена в розыск за саботаж и кражу интеллектуальной собственности (уничтожение собственного проекта ИИ «Каин»).

Выдержка из обвинительного заключения: «Действовала из сострадания к собственному творению». Считает сложные ИИ не инструментами, а «детьми». Представляет угрозу для стандартных протоколов безопасности.»

3. ИВАН ИВАНОВИЧ ФЕРР

Специализация: Инженер-экологист, мастер замкнутых систем.

Последнее известное место: Вольный ремонтник на торговом посту «Зерно».

Примечание из базы данных гильдии инженеров: «После инцидента на станции «Генезис» отошёл от крупных проектов. Предпочитает работать в одиночку. Известная особенность: для установления контакта рекомендуется использовать нетривиальные шахматные задачи. Откликается на вызов интеллекту.»

Яромир смотрел на три лица на экране. Уставшие, умные, много повидавшие глаза. Они не искали славы или богатства. Они были специалистами по краху. А ему нужно было построить что-то новое на руинах старого понимания.

Он составил три сообщения. Короткие, зашифрованные, с приложением ключевого фрагмента данных с «Циклопа» — того самого графика падения энтропии. И своим вопросом, который он теперь считал и своим тоже:

«Есть вопрос, на который, возможно, нет ответа даже в архивах мёртвых. Хотите услышать его?»

Он потушил экраны, погрузив кабину в темноту. За иллюминатором медленно проплывала тусклая, рыжая планета.

В тишине, на грани сна, к нему вернулся голос незнакомца с «Циклопа». «Пойдёшь со мной — будешь разбираться.»

— Да, — прошептал Яромир в темноту. — Буду. И я найду тех, кто мне поможет.

На столе, тихо мигнув, загорелся индикатор входящего сообщения. Анонимный канал. Текст был краток:

«Завтра. Док 17, отсек «Ржавый якорь». Приходи один. Тир.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.